

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

М.К. Мамардашвили

АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ В РАБОТАХ МАРКСА

Вопросы философии. №6, 1968, с.14-25

... Маркс входит в тот весьма немногочисленный круг мыслителей в истории человечества — во всей истории их можно перечист по пальцам, — которые подымали мыслью целые пласты реальности, обнажали целые массивы новых предметных переплетений и зависимостей. Отчетливо фиксируя условия и попытки подобного нового "геологического обнажения", они на столетия вперед определяли сам стиль познающего мышления, точки отсчета его движения, тип его рациональности. После них в руках исследователей оказывалась масса неизвестных до этого и требующих объяснения предметов, которых без интеллектуального подвига мыслителей типа Галилея, Эйнштейна, Маркса просто не существовало бы для мысли. Но новый предметный континент открыт именно для дальнейшей работы, и мыслить по-старому уже невозможно.

* * *

Вместе со многими другими предметами подобной перестройке после Маркса подверглось и сознание как область исследований или просто как интуитивное представление, полагаемое вообще социальным анализом. Последствиями этой перестройки как раз и явились то, что мы называем "современными" подходами к сознанию, та особая проблематика и тот строй исследования сознания, которые применительно к нему формулируются сегодня и которые были бы немислимы раньше, до Маркса. Эти последствия дают о себе знать — иногда странным и запутанным образом — в таких трудно объяснимых, с точки зрения традиционного просветительского рационализма, философских движениях современности, как феноменология, экзистенциализм, социология знания, психоанализ, структурализм в исследованиях культуры и т. п. (что, кстати, является дополнительной причиной того, почему так необходимо мысленное обращение к подлинному смыслу марксова анализа сознания). Именно Маркс ввел в научный оборот ряд своеобразных предметов и эвристических схем мышления о сознании, впервые прорвавших рамки традиционной классической философии. При этом выявились такие стороны сознания, что стало уже невозможным говорить о философской инстанции "чистого сознания", самостоятельным, творческим агентом и центром которого является мыслящая, размышляющая, прозрачная для самой себя единица — индивидуальный человек. Предметы исследования сознания оказались в другом месте, его пронизали новые зависимости и совсем в иных направлениях, чем раньше, а метод внутреннего наблюдения и понимающей интроспекции, долгое время монополевый владевший исследованиями сознания, затрещал по швам.

Эту революцию Маркс осуществил в рамках прежде всего экономического исследования определенной общественной формации — капитализма, которое конкретизировало (а частично развило в неожиданном направлении) касающиеся сознания пункты материалистического понимания истории, открытого Марксом и явившегося до этого, по выражению Ленина, лишь гипотезой. В связи с этим необходимо сделать несколько предварительных замечаний (поскольку у Маркса нет отдельно теории сознания, как нет и от дельного учения о методе, о диалектике и т. п.). [1]

В экономической науке Маркс проделал прежде всего методологическую, философскую работу, причем проделал ее в терминах самой экономической науки, в плане ее собственных творческих задач. Эта работа и явился источником и содержанием переосмысления, осмысления и дальнейшего развития

М.К.Мамардашвили

**АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ В
РАБОТАХ
МАРКСА**

Вопросы философии. №6, 1968, с.14-
25

... Маркс входит в тот весьма
немногочисленный круг мыслителей
в истории человечества — во всей
истории их можно перечесть по

пальцам, — которые подымали мыслью целые пласты реальности, обнажали целые массивы новых предметных переплетений и зависимостей. Отчетливо фиксируя условия и посылки подобного нового "геологического обнажения", они на столетия вперед определяли сам стиль познающего мышления, точки отсчета его движения, тип его рациональности. После них в руках исследователей оказывалась масса неизвестных до этого и требующих объяснения предметов, которых без интеллектуального подвига мыслителей типа Галилея, Эйнштейна, Маркса просто не

существовало бы для мысли. Но новый предметный континент открыт именно для дальнейшей работы, и мыслить по-старому уже невозможно.

* * *

Вместе со многими другими предметами подобной перестройке после Маркса подверглось и сознание как область исследований или просто как интуитивное представление, полагаемое вообще социальным анализом.

Последствиями этой перестройки как раз и явилось то, что мы называем "современными"

подходами к сознанию, та особая проблематика и тот строй исследования сознания, которые применительно к нему формулируются сегодня и которые были бы немыслимы раньше, до Маркса. Эти последствия дают о себе знать — иногда странным и запутанным образом — в таких трудно объяснимых, с точки зрения традиционного просветительского рационализма, философских движениях современности, как феноменология, экзистенциализм, социология знания, психоанализ, структурализм в исследованиях культуры и т. п. (что, кстати, является

дополнительной причиной того, почему так необходимо мысленное обращение к подлинному смыслу марксова анализа сознания). Именно Маркс ввел в научный оборот ряд своеобразных предметов и эвристических схем мышления о сознании, впервые прорвавших рамки традиционной классической философии. При этом выявились такие стороны сознания, что стало уже невозможным говорить о философской инстанции "чистого сознания", самодеятельным, творческим агентом и центром которого является мыслящая, размышляющая, прозрачная для

самой себя единица —
индивидуальный человек. Предметы
исследования сознания оказались в
другом месте, его пронизали новые
зависимости и совсем в иных
направлениях, чем раньше, а метод
внутреннего наблюдения и
понимающей интроспекции, долгое
время монопольно владевший
исследованиями сознания, затрещал
по швам.

Эту революцию Маркс осуществил в
рамках прежде всего экономического
исследования определенной
общественной формации —
капитализма, которое
конкретизировало (а частично

развило в неожиданном направлении) касающиеся сознания пункты материалистического понимания истории, открытого Марксом и являвшегося до этого, по выражению Ленина, лишь гипотезой. В связи с этим необходимо сделать несколько предварительных замечаний (поскольку у Маркса нет отдельно теории сознания, как нет и отдельного учения о методе, о диалектике и т. п.).[1]

В экономической науке Маркс проделал прежде всего методологическую, философскую работу, причем проделал ее в терминах самой экономической

науки, в плане ее собственных творческих задач. Эта работа и явилась условием и содержанием переворота, осуществленного им в политэкономии, условием и содержанием созданного им в этой области образца (или "парадигмы", как любят сейчас говорить) философски сознательного научного мышления, имеющего на своем счету существеннейшие (и именно политико-экономические) открытия, перестроившего целые разделы этой науки, выработавшего новый тип теории и т. д. Объективно в этом типе мышления имеется ряд новых философских гипотез и

эвристических мыслительных схем, развиваемых на языке экономической науки, но тем не менее поддающихся выделению в качестве общепhilософских категорий. Это, например, положения, касающиеся природы "вещей чувственно-сверхчувственных, или общественных" (Маркс), проблемы объективации, отношения обьективированных, общественно-предметных форм к субъективно-деятельным способностям человека, отношения рационального познания к экономической деятельности, вопроса о том, как эта реальность

может представляться непосредственно наблюдателю и почему воз возможны иллюзорные ее отображения [2] и т. д.

Мы специально перечислили те положения, которые совершенно очевидно предполагают определенную теорию сознания. Она и имеется у Маркса, причем настолько глубокая, что открытия ее стали полностью осознаваться лишь гораздо позднее, а многие были заново сделаны, но в ложной форме и приписываются другим (например, феноменологам, экзистенциалистам, психоаналитикам и др. [3]).

Конечно, основное в марксовой работе, например, в "Капитале", на что обращают внимание, — это то, что она строится как объективное, системно-структурное исследование своего предмета — экономических отношений определенной социальной формации, то есть как такое их исследование, которое не предполагает объяснения их свойств и переплетений из какой-либо антропологической природы субъектов, являющихся их носителями, и исключает ссылки на осуществляемые этими субъектами процессы понимания экономических явлений, на их мотивации,

целеполагания, желания и т. п. Исследуется система, саморазвивающееся органическое целое. И заслугу Маркса можно совершенно справедливо видеть в том, что он сумел открыть для науки такую точку зрения, сумел преодолеть скрытый антропологизм предшествующей, классической политэкономии, который она молчаливо полагала в своих основаниях в виде абстрактного, антиисторического допущения у человека некоторых натуральных и далее не анализируемых потребностей, расчетов, интересов и т. п. Примененный Марксом метод

исследования экономических явлений объективен и не оперирует психическими процессами и сознанием индивидов как точкой отсчета (хотя в этом исследовании и фигурируют все многообразные процессы и содержания сознания).

Ну, а в каком виде выступают здесь сознание, его явления и отношения? Оно ведь существует, и о нем что-то предполагается. Вот здесь-то и обнаруживается интересный факт, что как раз объективный, материалистический метод анализа общественных явлений давал Марксу одновременно и ключ к пониманию сознания как особого образования,

позволял произвести ряд его расчленений и получить фундаментальные исходные представления о его природе, способе действия и дифференциации основных форм.

Дело в том, что Маркс совершенно особо представлял себе социальные системы: в каждом случае он строил свое исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя

сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия). Этого рода системами и были для него, по определению, социально-экономические системы. Отсюда оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта. Вследствие этого анализ сознания предстает как распространение на его сферу анализа общественно-предметных

форм, "общественных вещей", как продолжение последнего на уровне человеческой субъективности. В ней тем самым образуется точка отсчета, независимая — в исследовании самого же сознания — от психологически сознательных выражений духовной жизни индивида, от различных форм его самоотчета и самообъяснений, от языка мотивации и т. д.

Существующее у субъектов сознание может в принципе изучаться совершенно объективно, по его "предметностям", по значащим для него объективациям, рассматриваемым в качестве

порожденных саморазвитием и дифференциацией системы социальной деятельности как целого. Как мы увидим, внутри этого целого они и прослеживаются Марксом. В нем Маркс устанавливает детерминизмы и механику образования подобных предметностей сознания, являющихся "представителями" (или "заместителями") чего-то другого, чем они сами и их осознаваемое объективное содержание, и выступающих ориентирами в поведении индивидов. Этим другим оказывается социальная материя этих механизмов, реальный обмен

деятельностью между людьми (причем сами механизмы образования сознанию вовсе не даны).

Таким образом, если для классической философии, являвшейся по своей сути "философией самосознания" и приписывавшей сознанию телеологическую структуру, жизнь последнего протекала только в одном измерении — в измерении восприятия и представления, воспроизводимых рефлексивным сознанием субъекта, то Маркс впервые вводит сознание в область научного детерминизма, открывая

его социальное измерение, его
социальные механизмы. [4]

Вместо однородной, уходящей в
бесконечность плоскости сознания
выявились его археологические
глубины; оно оказалось чем-то
многомерным, объемным,
пронизанным детерминизмами на
различных одновременно
существующих уровнях — на уровнях
механики социального, механики
бессознательного, механики
знаковых систем культуры и т. д., а с
другой стороны, составленным из
наслоения генетически разнородных,
то есть в разное время возникших и
по разным законам движущихся

структур. И уж, конечно, сознание в этих глубинах и различных измерениях не охватывается самосознательной работой размышляющего о себе и о мире индивида. И, следовательно, к ней нельзя свести его продукты.

Сознание — это лишь одна какая-то из метаморфоз процессов объемного, многомерного целого, лишь надводная часть айсберга. И рассматриваться оно должно лишь вместе со своими скрытыми частями, в зависимости от них.

Из схем марковского анализа сознания вытекают элементы целого ряда теорий: 1) теоретической модели

социальной обусловленности сознания; 2) теории фетишизма и символики социального в сознании; 3) теории идеологии (заметим, что развитая Марксом социально-философская критика идеологии и превратилась впоследствии в то, что называется теперь социологией знания как академической дисциплиной); 4) теории науки и свободного духовного производства как особых форм деятельности сознания; 5) теории сознания как орудия личностного развития человека и его ответственности в сфере культуры и исторического действия.

Здесь мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых направлений хода марксовой мысли, породивших эти богатые отростки, тех эвристических абстракций и "схематизмов", которые очерчивают поле и тип марксова анализа сознания.

* * *

Уже в той трактовке сознания, которую Маркс дает на примере "товарной" модели в "Капитале", можно обнаружить и развернуть намеченные выше черты общего марксового подхода. Его можно было

бы назвать безличностным (или редуктивно-предметным) анализом сознания и культуры. Поясним это.

Маркс характеризует товар как вещь "чувственно-сверхчувственную, или общественную", то есть как такую, которая наряду со своими природными, чувственными свойствами выражает и не данные чувственному созерцанию (лишь воображением фиксируемые), по ту сторону своего природного тела лежащие общественные свойства и отношения.

В данном случае это выражаемая товаром стоимость. Вещественные

формы продуктов человеческой деятельности всегда приобретают свойство быть знаками социальных значений и как таковые регулируют сознательную деятельность индивидов, их общение. Но в сознании свойство обладать, например, стоимостью, и, следовательно, быть знаком социальных значений, принадлежит именно вещи, ее конкретной телесной природе. Она скрывает от индивидов общественный характер их работ под видом понятного им (в сознании данного) сверхчувственного своего свойства, коренящегося в ней, как в фетише. Это и есть открытый

Марксом фетишизм продуктов труда, присущий им, "коль скоро они производятся как товары" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 23. стр. 82). Но это и разновидность сознания, его символизирующей и обозначающей деятельности, которую Маркс выявляет и на которой прослеживает ряд общих обстоятельств, относящихся к природе связи "общественное бытие-сознание" и к методу ее анализа.

Почему предмет предстает в сознании именно таким, а не иным образом? Ответ Маркса на этот вопрос — а он постоянно на него отвечает в своих исследованиях (и не

только в области экономики, но и в социальных исследованиях вообще, при анализе мотивов и программ деятельности классов, партий, лиц и т. д.) — предполагает прежде всего отвлечение от наблюдения механизмов индивидуального сознания, от правильности или ошибочности процессов понимания, совершаемых индивидом. Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежуток между двумя членами отношения "объект (вещественное тело, знак социальных значений) — человеческая субъективность",

которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этажам которой объективно "растекается" человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы.

Введение этого посредствующего звена переворачивает все отношение, в рамках которого сознание изучалось. Формы, принимаемые отдельными объектами (и воспринимаемые субъективностью), оказываются кристаллизациями системы (или подсистем) отношений, черпающими свою жизнь из их сочленений. А движение сознания и восприятия субъекта совершается в пространствах, создаваемых этими же отношениями, или, если угодно, ими замыкается. Через эти отношения и должен пролегать реальный путь изучения сознания, то есть того вида

сознательной жизни мотивов, интересов и духовных смыслов, который приводится в движение данной общественной системой.

Прокладывая анализом товара и вообще экономических форм именно этот путь, Маркс радикально изменяет всю схему причинности сознания. Механическая причинность, которую предшествующий рационализм, по сути дела, антропологически полагал в социальном опыте сознания, здесь просто не работает, поскольку она покоится на том предположении, что индивид принципиально способен в каждом случае видеть свой

действительный интерес и свое действительное положение и что созерцаемые им объекты и "причиняют" его субъективности сознательные образы (по закону связи ассоциаций, *понимаемой* размышляющим индивидом). Отказываясь от этого предположения, Маркс выводит образования сознания не из непосредственного содержания отдельных объектов, переносимого путем аффицирования чувственности в сознание, а из отношений, складывающихся между данными объектами в системе, из их места и дифференциации в этих

отношениях. Отдельные объекты являются здесь отложениями, "сгущениями" системы, в которых проглядывают какие-то стороны, части более широкой ее взаимосвязи, структуры. Их форма может быть прослежена анализом вплоть до ее возникновения из отношений в этой структуре. Восприятие же ее сознанием — дальше мы это рассмотрим подробнее — характеризуется тем, что отношения, из взаимосвязи и сплетения которых форма черпает свое первичное содержание и жизнь, опущены. Форма служит как бы их представительницей (или замещает

их) в сознании, и в этом процессе выпадения отношений и их замещения индивид не участвует своим размышлением. Отсюда понятно, что по отношению к сознанию речь может идти лишь о "причинении", индуцируемом в отдельном звене более широкой системой, игрой отношений в ней, о *системной* , а не *какой-либо иной* причинности. Тезис Маркса о том, что общественное сознание обуславливается общественным бытием, что содержание идеологических, правовых и вообще надстроечных образований дается непосредственно самим

экономическим отношением и т. д., должен рассматриваться с учетом этих абстракций и идеализации, лежащих в основе марксовой схемы причинной связи между общественным бытием и общественным сознанием. Стоит только опустить их и истолковать эту схему, например, в антропологическом духе, как она станет бессмысленной (что и случилось, в частности, у "экономических материалистов"). Именно в связи с раскрытием системной причинности и первыми образцами структурного анализа сознания и появляются у Маркса

первые формы материалистической его трактовки, распространения на жизнь сознания принципов социального детерминизма, позволяющих понять и более сложные, относительно самостоятельные формы и ответвления сознания.

Пользуясь схемой системной причинности, Маркс фактически прослеживает эффекты действия системы одновременно и на стороне объектов и на стороне субъекта и делает для себя интересное открытие, что применительно к этим одновременно взятым эффектам бессмысленно проводить различие

предмета и сознания, реального и воображаемого. Трудно не обратить внимание на тот факт, что Маркс ищет каждый раз те пункты, где отношения "кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 83). В особенности это касается тех случаев, когда Маркс развивает анализ "чудес" и "привидений" товарного мира, которые ведь ни из какого акта размышляющего индивида им не выводятся! Вообще интересные феномены анализируются Марксом в качестве сознания: "форма товара", "форма цены", "цена труда", "цена

капитала", "форма процента",
"стоимость земли". Это ведь вполне
реальные, объективные отношения! С
другой стороны, об объектах,
которые анализируются уже в
качестве собственно экономических
(например, о той же денежной
форме цены), затруднительно
сказать, предметы ли это или
сознание, что привело многих
комментаторов "Капитала" в
замешательство: объективна или
субъективна видимость у Маркса [5
]. Действительно, не оперирует ли
Маркс некими квазиобъектами?

Дело просто в том, что Маркс
открывает феноменологическую

природу сознания, его на деле квазипредметный характер и вводит абстракцию, позволяющую анализировать сознание объективно как превращение предметов в квазипредметные образования, отвлеченно от процессов, происходящих во внутреннем мире субъекта. И громадное историческое преимущество Маркса, впервые придавшего понятию "феномен" его современный смысл, перед всеми позднейшими феноменологами состоит как раз в том, что он, как уже ясно из предшествующего, "выходит за феномены", ищет их причинное происхождение, выявляет

социальную систему общения, которую феномены сознания обслуживают [6]. Поиском и установлением моментов тождества видимого и действительного, сознания и предмета решается на деле другая, нефеноменологическая задача: во-первых, весь мир самосознающего, рефлексивного социального опыта сознания, его готовых идеологических, теоретических и т. п. оформлений и систематизаций оказывается редуцированным; во-вторых, в том, что осталось после, редукции, обнажаются предметности сознания, тождественные особым предметным

формам, порождаемым отношениями системы, и можно поэтому на место анализа первых поставить анализ вторых, как они да ны в этой системе и как ею рождаются [7]. Идет ли речь о вере людей в сверхъестественные свойства предметов, в богов или в "желтые логарифмы" типа цены труда — великий принцип Маркса состоит в том, чтобы судить о процессах в сознании по тому специфическому преобразованию, какое претерпевают реальные отношения, становясь такими предметными формами (например, чувственно-сверхчувственной товарной

стоимостью). Следовательно, чтобы судить о сознании по тому, что оно полагает *отличным от себя* , отводя себе роль восприятия, простой констатации очевидного и т. д., а само сознание рассматривать, или вводить, как условие движения и функционирования этих преобразованных предметов.

Вернемся поэтому к товару, к этой "чувственно-сверхчувственной вещи" Что здесь происходит? Ход марксова исследования показывает, что между реальным отношением или вещью, как она есть, и ими же, как они предстают в сознании, есть поле, не пробегаемое созерцанием и

заполненное социальной механикой, продуктом действия которой является то или иное осознание человеком реальности-как внешней, так и внутренней. Поэтому ответить на вопрос, что это за предметные формы, не отличимые от сознания, и как они произошли, равнозначно ответу на вопрос, что или какой "агент" представляет (или подставляет) вещи сознанию (движением, совершающимся вне самого сознания) Маркс исходит из того факта, что реальность воспринимается под определенной формой, под формой устойчивых и далее неразложимых предметностей

сознания, качеств, предметных смыслов, интенций, так же, как глаз воспринимает не субъективный отпечаток на ретине, а "объективную форму вещи, находящейся вне глаз" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 82). Характер деятельности людей отражается обратно в их сознании в виде определенным образом значащих предметов. Именно таким переворачиванием и очерчивается сознание, в котором реальные структуры получают поле для своего представительства. Например, в случае товара собственное общественное отношение людей к совокупному

труду (стоимость) представлено сознанием находящегося вне их общественного отношения вещей, сознанием сверхчувственных свойств последних (или в других случаях — общественных отношений богов, отношений вещественных символов потребления, символов социальных "статусов" и "ролей" и т. д.).

Известно, какое значение Маркс придавал явлениям проекции и объективации. Но нельзя забывать, что для Маркса не проекция — продукт сознания, а сознание есть обратное присвоение проекции и объективации, совершившихся независимо от индивида,

"сработавших" в социальной системе (в качестве создаваемого ею предметного закрепления общественной формы обмена деятельностью, опосредствуемой вещами), а теперь читаемых индивидами, которые этим прочтением и развивают в себе внутреннее измерение сознания. Здесь вовсе не предполагается, что сознание как-либо объективируется. Объективируется нечто совсем иное. И Маркс совершенно отчетливо "снимает" предполагавшуюся всей философией просвещения и традиционного рационализма модельность сознания, то есть

создание человеком внешних, объективированных продуктов по модели понятных ему в той или иной форме собственных психологических свойств и состояний. Маркс устраняет такую аргументацию из объяснения овеществленных продуктов сознания, из объяснения явлений переноса и проекции свойств человеческой деятельности. И он достаточно четко осознает коренное отличие своего понимания проблемы, когда на языке, понятном для традиционной философии, поясняет, например, что сознание и язык, существующие "для других людей", первичны по отношению к

сознанию "для меня" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29), что человек рождается не в качестве фихтеанского философа: "Я есмь я"... и что лишь через человека Павла "человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку" (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 62).

Важнее всего то, что происходит до указанного переворачивания или является его движущей пружиной, ибо именно здесь складывается структура, являющаяся "речью другого" в рупоре сознания, то есть его социальным детерминизмом, механикой, говорящей посредством

сознания. Конечно, деятельность людей отражается обратно внутрь субъекта, но деятельность, претерпевшая целый ряд специфических преобразований. Мы уже отмечали, что предметная форма черпает свое первичное содержание и жизнь из сплетения реальных отношений и их дифференциации в определенной системе взаимодействий. Но в своем противостоянии сознанию она дана как уже наличная, готовая (конечная и далее неразложимая). В качестве фигуры сознания, в качестве сознательного содержания предметная форма и вызвана тем,

что реальные отношения объективно опущены и заменены определенными преобразованиями (до и независимо от сознания). Происходят: срастание вырванной из своей связи предметной формы с человеческой деятельностью как таковой, далее неразложимой и конечной; смещение социального значения на побочные, физические свойства предметного тела, приводящие к натурализации знаков значения (фетишизм и символика социального); инверсия, где движение, идущее от производственных отношений в обмене деятельностью к значащему предмету, оборачивается так, будто

именно значащий предмет приводит в движение деятельность и форму общения, *причем практически так оно и есть на самом деле* [**8**]; сгущение, когда конечный для сознания объект оказывается наделенным недифференцированным единством и связью всех отношений целого, всех реально различных его определений (из которых, следовательно, выступает то одно, то другое, создавая известную в психологии амбивалентность многих образований сознания) и т. д.

Все это легко проследить на анализе Марксом товара. И только в итоге мы

имеем связь "реальность-сознание", где некоторые мыслительные образования представляют реальность, оставляя в стороне действительный строй ее отношений. Они и являются сознанием, реализуемым индивидами в своей социальной деятельности. Маркс определяет такого рода образования как "общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства..." (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 86). Они

порождаются этими отношениями как средство, форма собственной реализации и движения в деятельности масс индивидов. Здесь вводится анализом особая абстракция — "общественное сознание". И связь этого сознания с бытием есть системная, или репрезентативная, причинная связь [9]. Ибо реальность лишь через структурную связь, состоящую из указанных выше преобразований (или подобных им), определяет сознание, представляется в нем тем или иным определенным образом, содержанием, смыслом, значением, скрывая в то же время от него самое

себя и механику преобразований. Нечто устраненное преобразованиями не может быть причиной (в механическом смысле воздействия или данности), но фигуры сознания определяет именно оно. Определяет как бы из-за сцены, выводя на нее переодетых куколок, предварительно обученных на репетиции, и сгущая себя в произносимый ими текст. А на сцене — "самостоятельная" реальность, зримая, слышимая и конечная. В действительности же это лишь театральные эффекты.

В том же самом смысле, в каком Маркс говорил о "характерных

экономических масках лиц" (там же, стр. 95), он выявлял и характерные "маски-сознания" лиц. Маски и выражают и скрывают. Это относится и к "маскам-сознания", представляемым лицами, реализуемым ими в своей деятельности. Текст написан обществом, но он записан в индивидах. Продукты преобразовании, новые отношения (уже между этими продуктами — как отношения сознания, "отношения сцены", а не как отношения действительности) и являются языком, выражающим социальное в сознании, действительную

социальную реальность. И его нужно уметь расшифровывать. Маркс фактически рассматривает образования сознания как явления социальной действительности. запечатленные в субъектах, "записанные" в индивидах. Именно в этом смысле он понимает социальную обусловленность их сознания, а не в каком-либо ином. Сознанием кодируется и в своем материале выполняется "предстояние" ему объекта, которое само рождено уже игрой социального механизма. И анализ этого "предстояния" не требует обращения к психической природе субъекта, к

предшествующему опыту образования ассоциаций у этого субъекта, к его склонностям, навыкам и вообще к тысяче уходящих в бесконечность обстоятельств, которые не могут быть учтены никакой наукой и через которые объект сознания преломлялся бы, трансформируясь в полагаемый сознанием смысл. Ведь ничто из этого не может объяснить происшедших преобразований в системе отношений. *Прежде* чем человек осознал, например, стоимость как сверхчувственное свойство природного тела продукта труда, произошли эти

преобразования — срастание, смещение, инверсия, сгущение и т. п., то есть "сработала" игра социального механизма, замещающего реальность видимыми, квазипредметными образованиями. *И потому*, что они произошли, человек осознал стоимость как такое свойство.

Если, как показывает Маркс, мы получаем таким образом в индивидуе "объективные мыслительные формы", говорящее и записанное в нем общественное сознание (смыслы, предметные значения, символику и т. п.), то это же и формы, в которых субъект фиксирует и переживает свой социальный опыт

сознания, не проникая в его реальные пути и генезис. Это формы, которыми человек регистрирует то, что его движет и побуждает, не идя дальше объективно видимого мотива и смысла своих сознательных побуждений и душевных движений (аналогичные вещи имеют место и при регистрации сознанием своего психического опыта).

Все, что индивиды думают, выражают, хотят, переживают — весь психологический (а в других системах-анимистический, мифологический, космологический и пр.) язык мотиваций, оформляющий их социальные

потребности и желания, берется на уровне этой абстракции лишь в той мере и в той форме, в какой в нем проглядывают процессы и механизмы системы социальной деятельности. Его формы рассматриваются как кристаллизации, отложения продуктов игры последних. Связи и зависимости, действующие в структуре и считающиеся действительно "говорящими", должны быть поняты прежде, чем могут быть поняты эти формы. Кстати, чем очевиднее и ближе структура, тем труднее ее выявить, что является еще одним

свидетельством того, что метод
"духовного понимания",
"непосредственного проникновения
в смыслы сознания", предлагаемый
идеалистической философией
культуры, бесплоден.

Но формы, в которых нечто
предстает сознанию, переживается и
регистрируется им в терминах
мотива, смысла, сознательно
понимаемого интереса и т. п., не
будучи образом действительности и
механизма процесса, смысловые
отложения которого и впечатаны в
сознание в виде таких форм, не
являются также чем-то просто
неясным, произвольным,

субъективным. Это не некий туман заблуждений, где-то в пределе стремящихся к истине, рождающих ее при сбрасывании пелены тумана и поэтому сопоставимых с наукой, лежащих с ней на одной линии (как если бы движение знания было "прояснением смысла", а истина — телеологическим смыслом заблуждения, внутренней пружиной всего движения). Это сопоставление оказывается невозможным, ибо совершенно независимо от него указанные формы выполняют вполне определенную генетическую и функциональную роль, поскольку воспроизводятся самими

социальными отношениями. И в качестве таковых они обладают определенной устойчивостью, структурностью и существуют как несводимые ни к какому знанию, как неустранимые им. Маркс указывал, например, что открытие действительной природы продуктов труда как товаров "отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 84), что "для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — *как до, так и после указанного открытия*

— кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его составные элементы" (там же, стр. 84. Разрядка моя. — М. М.).

В терминах теории сознания это означает, что никакое "чистое сознание", предполагаемое классической философией, не может здесь восстановить действительности, что целый ряд объектных образований сознания не может быть воспроизведен в качестве сознательно

контролируемой человеком
конструкции предмета. Осуществив
определенную расцентровку
сознания и анализируя его в обход —
через предметную деятельность (в
качестве ее стороны и одной из
метаморфоз), Маркс прерывает
телеологическую схему,
сослужившую в свое время
известную эвристическую службу в
анализе явлений сознания (прежде
всего научного). Определенные
образования сознания оказываются
инвариантными относительно
любых других (скажем, более
развитых) форм сознания и
неустранимыми последними. Маркс

совершенно определенно формулирует принцип несводимости бытия (в том числе, бытия сознания) к знанию. В этом смысле сознание стало, если можно так выразиться, "бытийствовать" в марксизме задолго до появления любого экзистенциализма и феноменологии. Эта особенность понимания сознания занимает вообще важное место в марксизме. И Маркс и Ленин в противовес просветительским предрассудкам в пропаганде и в идеологической работе партии постоянно обращали внимание на тот факт, что социально возникшие идеи, представления, иллюзии и т. д.

устранимы не столько идейной критикой (так сказать, заменой их знанием), сколько прежде всего практическим опытом измененной реальной деятельности, опытом классов и социальных движений, изменением социальных систем отношений и структур.

Но это лишь одно из практических приложений более общей марксовой процедуры. Маркс берет не созерцающее сознание, раскрываемое в рамках абстракции гносеологического субъекта (по схеме телеологии самосознания и т. п.), а сознание, включенное в социальные структуры, являющееся

активным реальным звеном их развития и функционирования, а поэтому рассматриваемое согласно своей роли и месту в них. И он вообще отказывается в этой области от традиционного отношения "объект-субъект", показывая, что отношение социальных идей и представлений к реальному общественному бытию не есть отношение мысли субъекта к исследуемому ею объекту и что, следовательно, противопоставление "материального" и "духовного" в этом плане мало что может дать для понимания развития и смены культур, систем духовно-

практического освоения человеком окружающего мира. Сознание и культурные формы впервые у Маркса выступают в новых, неклассических координатах анализа.

* * *

У Маркса, у которого наука, собственно, и научилась искать и находить социальные детерминизмы сознания и культуры, эти новые схемы анализа очень интересно проступают в понимании таких более усложненных по сравнению с рассмотренными выше форм, которые можно было бы назвать рационализированными косвенно-

фетишистскими формами сознания и которые в условиях идеологической борьбы проникают в идеологию, науку, философию, культуру вообще, приобретают самостоятельность, могут закрепляться интересами господствующих эксплуататорских классов и т.д.

Из всего ряда форм сознания Маркс проделал наиболее существенную работу именно применительно к подобного рода превращениям сознания, представляющегося основанным на некоторых автономных логических соображениях, но на деле строящегося совершенно иначе.

Прежде всего он показал, что человек как рефлектирующий и осуществляющий целенаправленную деятельность индивид не является хозяином в своем собственном идеологическом доме — не в том смысле, что он связан всегда заданным и социально всегда ограниченным содержанием как предметом сознательной мысли, а в смысле механизмов этой мысли, в смысле выявления того, что или кто является ее активным, самодеятельным агентом. Оказалось, что таковым является не идеологизирующий свое положение, мотивы и интересы человек.

Решающая зависимость такого идейного процесса (как обособившегося от реальной жизни и самостоятельно существующего рядом с ней), которую выделяет Маркс, — это зависимость его от непосредственного, стихийно сложившегося в общественных структурах сознания. Он называет последнее по-разному: "вплетенное в непосредственный язык реальной жизни" сознание, "духовно-практическое освоение действительности", "мыслительные формы практического обихода", "обыденное сознание". Но связь внешне самостоятельных

рационализации идейной жизни с этим сознанием всегда оказывается одной и той же — она анализируется Марксом по модели связи выраженного и невыраженного как особого типа каузальности. Превращенное сознание он характеризует введением того, что можно было бы назвать своеобразными "косвенными прагматическими объектами мысли".

В целом структура этого сознания соответствует структуре превращенной формы, которая как особый тип связи была также открыта и разработана Марксом и которая охватывает вообще структуру

всего ряда косвенных, символически-иллюзорных выражений, наблюдающихся в самых различных областях жизни человеческого сознания и деятельности. Но здесь не место анализировать строение этой формы, предположим, что оно известно (в "Капитале" это понятие применяется сплошь и рядом). Остановимся на особом рода объектах сознания — косвенных объектах.

Что такое косвенный прагматический объект мысли? Это просто объект, который непосредственно или "текстуально" полагается мыслью, но которым на

деле утверждается косвенно другой объект, другая предметность сознания, остающаяся в нем не выраженной эксплицитно как прямой, аналитический предмет мысли. Первый замещается вторым и движется уже по его логике.

Например, когда Гегель говорит о "господстве мыслей в истории", то в этом можно установить косвенный способ утверждения другого предметного смысла гегелевского сознания-разорванности связи духа и действительности, восприятия независимой от сознания реальности как враждебной сознанию и ускользающей от его рационального

контроля. Вот эти, второго рода, предметности сознания Маркс и считал происходящими из общественных структур и реальной деятельности, рождающимися в них в виде их "непосредственного языка сознания" и рассматривал в качестве псевдорационального такое мышление, которое от них зависит и косвенно их выражает на своем уровне, не выходя при этом за рамки заложенного в них смысла. Отсюда рационализированным оказывалось то сознание, которое отражает определенную объективную, общественно необходимую видимость, но в то же время

воображает себя самостоятельным, самостоятельным и беспредпосылочным по отношению к действительности.

Эта связь с действительностью может стать объектом специального научного анализа, как она стала, например, в марксовой критике "немецкой идеологии", но в самом рационализированном сознании она не выступает. Более того, в нем что-то исключает для человека ясное сознание своего действительного положения, способность увидеть то содержание, которое в нем имеется налицо, но не признано. Поэтому в анализе превращенных, стерших

следы своего происхождения форм
Маркс идет от того, что кажется
самодетельным и самостоятельным,
к восстановлению действительного
сознания по предметам — по тем
предметностям сознания, которые
рождены механизмами социальных
отношений в системе.

Для Маркса, который рассматривал
сознание как реальное звено
социальных систем деятельности,
исключен путь телеологии сознания,
путь развертывания и очищения
"истинного смысла", якобы уже
данного практикой и существующего
de facto где-то в глубинах индивида.
Наличное, но не признанное для

Маркса — не "истина", не "образ реальности", а коррелят объективной видимости, скрывшейся за самостоятельным отношением сознания. Как постоянно показывает Маркс, основная зависимость и "точка роста" рационализированных косвенных образований в культуре состоят в том, что именно превращенное сознание, стихийно порожденное общественным устройством, разрабатывается — уже *a posteriori* и специально — идеологическими уполномоченными господствующего при этом устройстве класса. Оно является мыслительным материалом и

духовным горизонтом особого идеологического сословия, которое и создает официальную, а тем самым и господствующую в обществе идеологию класса. В этом смысле Маркс говорил об "идеологических составных частях господствующего класса", отличая их от "свободного духовного производства" (см. К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I, М., 1954, стр. 261). Ход марксова анализа предполагает, что производство косвенных форм фетишистско-прагматического сознания — это рационализация готовых духовных продуктов общественных отношений (то есть

продуктов вне, до и независимо от действия рациональной научной мысли заданных) внешними средствами "знания". Оно использует рациональные процедуры в качестве средств узнавания и присвоения этих продуктов индивидами, интегрируемыми таким образом в общественную систему.

Но если эти средства "рациональны" в буржуазном обществе (то есть всегда обращены к способности суждения атомизированных индивидов), то в другие исторические эпохи эти средства могут быть средствами анимистических, мифологические

религиозных и т. п. систем. Основное отношение остается тем же. Как показывает фактически Маркс, это — отношение между первичными и вторичными образованиями сознания. Он вообще считал появление таких косвенных форм в идеологии вторичным образованием, прикрывающим своими систематизациями первичные предметности сознания, перекомбинирующим их определенным образом и затем уже кажущимся самостоятельным и независимым (по этой же схеме может быть рассмотрено отношение между, с одной стороны,

объективной видимостью и, с другой стороны, системами мифологии, религии и т. п.). Поэтому анализ Маркса имел перед собой задачу: 1) восстановить первичные образования сознания по их предметам, а не по тем отношениям, которые выступают в идеологических систематизациях (следовательно, редуцировать последние); 2) понять внутренний ход самого рационализованного рассуждения, развертывая его из скрытой зависимости "логической" мысли от свойств той объективной видимости, тех квазипредметов,

которые образовались в структурных механизмах социальных систем.

Таким образом, оказывается, что проникающая в идеологию рационализация лишь выводит из некоторого единого принципа, систематически объясняет и делает теоретически возможным, понятным для человека то, что уже существует как интенциональный предмет сознания, что уже на деле "кажется" в этом предмете, что уже фактически утверждается им (но принимается пока еще как неизвестно откуда и почему взявшееся, например, происхождение и причины табу в примитивных обществах остаются

неизвестными). Введение в идеологию такой систематизации делает логически допустимым и понятным то, что уже существует, но существует неизвестно как, почему и откуда. В этом-то и состоит ее задача, этой "апологетической" ролью она и ограничивается. Так, например, такой "желтый логарифм", по выражению Маркса, как "цена труда", обыденно очевидный в практическом обиходе, становится понятием буржуазной вульгарной политэкономии и оказывается звеном теоретического вывода из некоторых систематических принципов (подобно тому как,

скажем, принимаемые без обоснования табу могут получать обоснование в той или иной системе мифологии). Но на деле именно содержание квазипредмета получает форму движения в системе, а не активная, самостоятельная мысль.

Маркс совершенно четко говорит на этот счет: "Понятно поэтому то решающее значение, какое имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо

противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 550).

Заметим лишь, что когда например, Маркс показывает, что мышление классиков буржуазной политэкономии, занимавшихся анализом внутренних ее связей, все-таки замкнулось в конечном итоге на заимствованных из обихода понятиях

типа "цены труда" (см. там же, стр. 547-549), то он выявляет и описывает не закономерности познания, а механизм сознания, подчиняющийся соотношению между его первичными и вторичными образованиями. Первые замыкают и очерчивают вторые, замыкают и очерчивают весь круг вторичных образований (мифологии, религии, прагматических рационализации), являясь полем их возможностей, уже по-новому комбинируемых на новом уровне — на уровне вторичной (мифологической, "рациональной" и т. п.) разработки содержаний сознания. И в этом зависимость

вторых от первых. Но вторичные образования сознания могут исказить и затемнить первичные. Во всяком случае, они их скрывают. В этом плане разработанный Марксом предметно-редуктивный анализ сознания, то есть анализ его как эффекта игры отношений в реальных общественных системах, есть способ как обнаружения первичных предметностей, "смыслов" сознания, так и классифицирования затем всех вторичных образований, которые своими систематизациями и объяснениями на деле лишь разворачивают уже наличные и

сознанием положенные свойства
этих особых предметов.

По указанной выше схеме Маркс и
разбирал ту апологетическую
позицию, которую буржуазная
политэкономия занимала по
отношению к устоям
капиталистического способа
производства, ту вульгарную форму
идеологического сознания, которая
проникла в экономическую науку и
приобрела в ней устойчивое
существование. Причем он вовсе не
сводил эту позицию к выражениям
какой-либо личной корыстной
заинтересованности,
злонамеренного умысла лиц,

строящих идеологические общественные отношения из материала функционально-фетишистского сознания. Не возлагая ответственности за такой подход к идеологии на лиц, Маркс тем не менее рисует подобных "идеологов" далеко не в розовом свете, но беря их именно как усредненных общественных индивидов, типичных для массовых общественных связей [**10**].

Это замечание Маркса ведет к другой важной и интересной проблеме — проблеме роли сознания в личностном (а не общественно-усредненном) развитии индивидов,

общественных групп и т. д. Эта тема приобретает особое значение, когда возникает вопрос о нарушении нормального функционирования общественно-экономических систем или о такой общественно-исторической ситуации сознания, в которой ясно ощущается необходимость их слома. И в этом отношении работы К. Маркса дают богатейший материал для исследования.

Сноски:

[1] "Если Марх не оставил *"Логики"* (с большой буквы), то он оставил *логику* *"Капитала"*..." (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301).

[2] Интересно и важно то, что Маркс одновременно строит и теорию объективного (экономического) процесса и теорию его отображения в головах непосредственных его агентов, исследуя и критикуя не индивидуальные ошибки и заблуждения сознания (хотя и это имеет место), а с необходимостью складывающиеся объективно-мыслительные выражения реального процесса. Он выводит и определяет условия, при которых с необходимостью появляются в последнем "превращенные выражения" (verwandelte Formen).

[3] К сожалению, философской публике они зачастую и известны лишь в этой ложной форме.

[4] Для дальнейшего изложения необходимо ясное понимание того, что имеется в виду под "философией самосознания", характерной для классики. Начиная с Декарта предполагалось, что философия определяет сознательные условия познающего мышления, раскрывая, каким образом содержания сознания (затрагиваются ли этим сознанием процесс мысли, поведение, интересы или чувства человека) могут быть воспроизведены и фиксированы как с самого начала контролируемая сознанием, целенаправленная конструкция предмета, имеющая своим исходным пунктом некоторое естественном образом существующее совпадение мысли и предмета, некоторое "истинное положение дела", уже существующее до актуальной перестройки стихийного процесса сознания

(например, декартовское *cogito ergo sum*, "Я есмь я" немецкой классической философии и т. п.). Полагается ли этот пункт реально существующим или же исследовательской условностью весь процесс выступает как телеологически организованный, совершающийся в рамках <чистого сознания> (то есть неэмпирического сознания, очищаемого и переплавляемого самосознанием). Для классиков любой вид сознания представлялся сопоставимым с этим стремящимся к совпадению с действительностью сознанием и поэтому рассматривался по аналогии с ним, как приближение к нему и т. д.

[5] Между тем в нашей философской литературе есть весьма удачный пример объективного, осуществляемого в марксовом духе анализа субъективных

образований по чисто предметным явлениям экономических систем. Мы имеем в виду попытку, сделанную Э. В. Ильенковым применительно к анализу природы идеального (см. "Философская энциклопедия", т. II, статья "Идеальное").

[6] "Выходить за феномены" здесь не означает взять, в гносеологическом смысле, лежащее за феноменом внутреннее измерение, внутренний механизм предмета, как независимый от социальной деятельности, порождающей феномены Наоборот, речь идет о том, чтобы объяснить тот ее механизм, который порождает в ней феномены как существенные "формы действительности, или точнее, формы... действительного существования" (К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. III, М., 1961, стр. 460).

[7] Следовательно, содержания сознания даны (найлены) одновременно и в другом месте, в другой форме, чем в сознании психологического, размышляющего, связывающего единством "я" свои сознательные проявления индивида, а именно в социальной системе деятельности. Возможность измерять сознание одновременно и по чему-то иному, чем само сознание, — существенное требование марксовой процедуры.

[8] Марксов анализ сплошь и рядом имеет дело с такой практической видимостью. Например, рассматривая определения, приобретаемые капиталом в процессе обращения и во взаимосвязи с другими капиталами, Маркс показывает, что теоретический взгляд, будто каждая часть капитала в равной мере производит

прибыль, выражает практический факт, и чтобы уйти от него, надо было бы взять весь совокупный капитал, но для капиталиста — это мистерия. В этом смысле осознание есть возникновение объективной видимости (интересно, что с точки зрения практического факта сознания как раз действительная внутренняя связь оказывается мистерией).

[9] Причина и следствие здесь неоднородны; первая не сохраняется во втором как в нем самом обнаружимое содержание.

[10] Здесь имеет место отношение, аналогичное тому, которое Маркс устанавливает в актах реального экономического поведения лиц. Напомним слова, сказанные Марксом в предисловии к "Капиталу", которыми он хотел

предупредить возможные недоразумения на этот счет: "Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно" (там же стр. 10).